

АРХИВ «ЛГ»

«Дорогой Александр Александрович!»

Александр Фадеев тридцать лет находился в центре литературной жизни. С его именем связана целая эпоха в развитии советской литературы с ее завоеваниями, противоречиями, трудностями.

В октябре 1926 года Фадеев был откомандирован из Ростова-на-Дону в Москву в распоряжение ЦК ВКП(б) для работы в правлении Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. С этого времени и до начала 30-х годов он являлся одним из руководителей ВАПП [позже РАПП]. Вскоре после кончины А. М. Горького Фадеев стал секретарем Союза писателей и с небольшими перерывами оставался на этом посту до своей трагической смерти в 1956 году [в 1946—1954 годах он генеральный секретарь и председатель правления СП СССР].

Связи Фадеева с многонациональной советской литературой были необычайно широкими и творческими. Он ратовал за литературу «мощного разнообразия», умел найти и поддержать таланты, радовался появлению каждого нового самобытного автора. Его участие много значило в судьбах Р. Гамзатова и И. Мелеха, С. Наровчатова и А. Яшина, В. Овечкина и П. Вершигоры, других — не только молодых, но и местных литераторов.

Писатель большого художественного дарования, теоретик литературы, общественный деятель, человек, «неистово любивший искусство, книги, людей, родную землю» [Н. Тихонов], Фадеев был крупной, сложной, яркой личностью. Поэт В. Луговской написал однажды Фадееву: «...з сердце твой облик со всеми движениями, мыслями, радостями и грехами. Ты для меня незыблемая часть природы — ну, вроде Кавказского хребта или Африканского материка. Без них земля как-то не имела бы вида, была бы неприлично, паскудно оголена. Я с тобой спорю, я с тобой пою, мне понятно, что тебе нравится, что нет».

Личность и судьба Фадеева продолжают вызывать живой интерес. Важный биографический материал содержится в переписке Фадеева, отразившей многообразие его творческих и дружеских отношений с писателями, людьми искусства, общественными деятелями, учеными, рабочими, школьниками, друзьями юности.

Письма самого Фадеева в основном опубликованы. Их существенно дополняют письма его многочисленных корреспондентов. Сегодня печатается несколько таких писем из фонда Фадеева в ЦГАЛИ СССР.

Н. ДИКУШИНА,
кандидат филологических наук

Лидия СЕЙФУЛЛИНА

<29 августа 1945 г. Переделкино>
Дорогие Ангелина Осиповна и Саша! Я была бы рада, если б Вы захотели послушать отрывки из новой моей повести «Партизаны»¹ и пришли бы ЗАВТРА ко мне на дачу в 6 ч ВЕЧЕРА. Любящая Вас Л. Сейфуллина.

¹ А. О. Степанова — жена Фадеева. По-видимому, речь идет о повести, известной нам под названием «На своей земле». Отрывки из нее под разными заглавиями публиковались начиная с 1942 года. 23 октября 1942 года в «Правде» был помещен отрывок, озаглавленный «Партизаны». Полностью повесть была напечатана в журнале «Новый мир» в 1946 году.

Алексей ЮГОВ

<8 ноября 1945 г. Ленинград>
Дорогой Александр Александрович! Давненько заскучав по тебе — а ведь вместо недели прожили уже две! — пишу.

Недавно был доклад по приглашению Академии наук (отд. древнерусской литературы). Встретили — и конфетки мои, и перевод радостно и радужно. Конечно, в моей жизни это чудеснейшее событие! Твое посланье, податель его и его труд встречены так, что уж лучше и желать нельзя. Александр Ленинградский так же отнесся к «Слову о полку Игореве», как Александр Московский? И этим все сказано.

Все алчу и жаждут твоего приезда. «Звезда» — напиши. От меня ждут разбора, конклюдентного труда твоему.

А. Ю.

¹ К 150-летию открытия рукописи «Слова о полку Игореве» А. Югов подготовил свой перевод древнерусского памятника, изданный в 1945 году. В предисловии к

приложенных к переводу статей Югов отметил искажения текста, допущавшиеся переводчиками, и обосновал свои конъектуры.

Имеется в виду А. Прокофьев и А. Фадеев. В предисловии к изданию своего перевода «Слова» Югов отметил, что пользовался в работе советами Фадеева.

Александр ЯШИН

22 января 1947 г. <Москва>
Дорогой Александр Александрович! Мне хочется показать Вам несколько новых стихотворений, примыкающих к книге «Земляки».

Посылаю для начала восемь. Надеюсь, на досуге прочтете, они не скучные, особенно «Конюх». Три из них Вы, возможно, видели, остальные — наверняка нет.

Буду благодарен, если как-нибудь при случае передадите мне свои замечания о них.

Ваш Александр Яшин

Бела ИЛЛЕШ

31 декабря 1948 г. <Москва>
Дорогой Александр Александрович! Сейчас у меня к тебе нет никаких просьб — я только хочу поблагодарить тебя за твою помощь. 4 января 1949 года я уезжаю в Венгрию!

Я не забуду никогда того, чему научился в Советском Союзе, и останусь навсегда преданным борцом за высокие идеи нашей Партии. Не забуду я также и того, чему научился у советской литературы. И не забуду тебя, дружески помогавшего мне в самые тяжелые для меня годы.

Еще раз спасибо тебе за все. Надеюсь, что мы еще увидимся. Может быть, в Москве, может быть, в Будапеште, а может быть, где-нибудь во Франции или в Китае.

Из писем
Фадееву

Публикуется
впервые

Прошу не забывать меня,
Сердечный привет.
Твой Бела Иллеш

Рокуэлл КЕНТ

29 марта 1950 г.
Дорогой м-р Фадеев.
Шлю Вам личную благодарность за большую теплоту и гостеприимство, оказанные нам в Москве.

Америка должна узнать о кести, оказанной нам, и истолковать ее как самое верное свидетельство глубоко укоренившейся в сердцах и умах советского народа и его правительства воли к миру. С горячим приветом преданный Вам Рокуэлл Кент

Александр ЯШИН

12 мая 1950 г. Ялта
Дорогой мой Александр Александрович!

К сожалению, ждать дольше, когда Вас лишат лауреата генерального секретаря ССП и освободят для творческой работы, я уже не могу: «Алена Фомина» скоро выходит, и я ставлю посвящение — Александру Фадееву! Никаких оснований менять свое прежнее решение у меня не оказалось, душевное состояние осталось неизменным.

Считаться с условностями я не научился, думаю, что умный поймет, а на возможные кривотолки не буду обращать внимания. Я посвящаю от чистого сердца свою скромную работу не генеральному секретарю ССП, с которым почти ничем не связан, а писателю Александру Фадееву, с которым был связан еще тогда, когда находился на студенческой скамье, и к которому мои дав-

середине повествования, а в конце идут мировые события (судьба Рене — Ивонн, Веры — Кранца, Воронова, Шибаришина, немецкого рабочего, немца архитектора и др.). На беду, я не умею коренным образом менять книгу, когда она позади. Всегда искренне завидовал писателям, которые это умеют. Книгу мою сдали в печать, еще когда я был в Вене, и я ее только «почистил». Может быть, если хватит умения и жизни, как-нибудь потом вернуться к попытке изменить архитектурно ее (если сумею). Вам большое спасибо за умные и дружеские слова.

Узкое совещание отложено по нашей просьбе на 5 марта, впрочем, про все эти дела Вы, наверно, знаете от В. П. Желая Вам поскорее вернуться на исходные позиции: забыть больницу и болезнь. Горячие приветствия от Л. М. Пожалуйста, поблагодарите Ангелину Осиповну за то, что переслала письмо, и передайте ей мой привет.

Ваш И. Эренбург

¹ В письме от 1 февраля 1953 года («А. Фадеев. Материалы и исследования», М. 1977, стр. 214—218) Фадеев анализировал роман И. Эренбурга «Девятый вал». В этом же письме Фадеев просил сообщить текст испанской песни, нужной ему для романа «Черная металлургия». ² Речь идет о совещании по подготовке очередной сессии Всемирного Совета Мира. Фадеев являлся вице-президентом ВСМ. В. П. Терешкин — член ВСМ. ³ Л. М. Козинцева-Эренбург — жена Эренбурга.

Хьюлетт ДЖОНСОН

В 1931—1963 годах Х. Джонсон — настоятель Кентерберийского собора. С 1948 года возглавлял Общество англо-советской дружбы, с 1950-го — член ВСМ.

23 февраля 1954 Кентербери

Дорогой м-р Фадеев!
Ваша телеграмма, такая теплая, такая желанная и столь ободряющая, глубоко взволновала меня!

Если бы мне не доставало сил, чтобы продолжать свою работу ради прекрасного дела мира, то Ваша телеграмма и многие другие, полученные мною, придали бы мне силы.

Мой ответ задержался потому, что, высоко ценя полученные мною приветствия, я решил доставить себе удовольствие собственноручно ответить на них. Искренне Ваш Хьюлетт Джонсон.

¹ Фадеев поздравлял Х. Джонсона с 80-летием.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

<25 февраля 1954 г. Москва>
Милый, родной Александр Александрович!

Мне очень захотелось написать тебе. Причин много, они мне самому не слишком ясны, не буду до них докапываться. Поэтому читай, что пишу я «беспричинно».

Я хочу сказать тебе о своей любви к тебе, ничем и никогда за многие годы не омраченной. Об абсолютной вере в тебя, в твоё призвание, в твой путь. Хочу пожелать тебе не только физического здоровья, но и душевного покоя, напряженной сосредоточенности в работе за столом, который, говорят, ты занял сейчас и которая очень нужна всем нам, вострашим твоим читателям!

Никогда не забуду военных лет, когда мне посчастливилось стоять и жить очень близко от тебя, и эта близость была не случайна; я чувствовала за ней твой выбор, твоё решение и волю! То, что было тогда, наверно, уже не повторится, — но это и не важно.

Дорогой друг, если почему-либо тебе не легко, пожалуйста, помни, что на улице Шуккина и тебя есть дом, есть верные друзья! Сказанное относится и к обратному, гораздо более желанному случаю: если тебе хорошо, мы хотим тебя видеть!

Но если ты и не являешься к нам, все равно это ничего не может изменить.

Все навсегда останется на своих местах — и любовь, и открытое признание в ней.

По сути дела, это все, что я хотел сказать тебе.

К письму присоединилась Зоя¹. Крепко тебя обнимаю. Твой П. Антокольский

¹ Имеется в виду работа Фадеева над романом «Черная металлургия». ² В автобиографии «О времени и о себе» П. Антокольский писал: «В годы войны я как никогда узнал цену дружбы. Многих друзей должен здесь помянуть хотя бы мысленно, а двух ушедших навсегда называю и благодарю за участие в дни моей утраты. Первый из них А. А. Фадеев, благородный и мужественный человек с открытым взглядом, с легкой походкой, никогда не лгавший ни в чувствах своих, ни в словах, обращенных к близким. Он долго жил у меня в доме, пел свои любимые песни, мы вместе пережили труднейшие дни сорок первого и сорок второго годов в толодной суровой Москве, вместе проводили бессонные затемненные ночи, слушали сводки Верховного Командования, от которых разрывалось сердце у каждого преданного родине человека». ³ З. К. Важанова — жена Антокольского.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

27 мая 1954. Москва
Дорогой Александр Александрович! Прими горячее мое спасибо за твоё приветствие!

Твоя телеграмма была для меня одной из самых дорогих.

Желаю тебе здоровья, которое верней всего дается радостями творчества, а тебе они так глубоко знакомы! Ибо ты уловил и передал на благо людям самые нежные атомы человеческого сердца, во взрывах которых совершается превращение радостных людей в героев, и в живых образах показал, как и почему это главное советское чудо происходит.

Целую тебя крепко. Твой С. Городецкий

¹ Фадеев поздравил С. Городецкого с 70-летием.

Ираклий АНДРОНИКОВ и др.

<24 февраля 1955 г. Москва>

Дорогой Александр Александрович, сейчас мы сидим все у Всеволода (Вячеславовича Иванова), празднуем его славному шестидесятилетию, людем, говорим хорошо о нем, о Константине Александровиче Федине, который тоже родился сегодня, и вот поднимается сам юбиляр — наш дорогой Всеволод — и предлагает выпить твоё здоровье. «Я, — говорит он, — хочу выпить за здоровье Саши Фадеева», — говорит он своим добрым и милым голосом. И в его словах — хвала тебе, другу нашему всех вместе и каждого в отдельности, человеку, понимающему все движение литературы, и сожаление, что сегодня тебя нет с нами, а был бы здоров — сидел бы за этим столом. И он — Иванова Всеволод Вячеславович — предлагает написать тебе письмо, чтобы сказать тебе об этой любви, всегда в нас живущей, а сейчас всплывшей снова от этих правильных слов. И писателем общество называет меня. И я, торжествуя, опасаясь, как бы не отдумали мне поручить это славное дело, пишу и пользуюсь правом первой подписи.

Твой Ираклий Андроников
Вс. Иванов
С. Антонов
В. Каверин
Ек. Пешкова
Нежно любящая Ф. Раневская
Петр Кончаловский
Н. Тихонов
Илья Груздев
Конст. Федин
Валентина Ходасевич и др.

Публикация и примечания
К. СУВОРОВОЙ,
старшего научного сотрудника
ЦГАЛИ СССР,
кандидата филологических наук